

- Науменко В.Е.* Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 1997. Вып. 1. С. 324–340.
- Науменко В.Е.* К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII–IX вв. (по данным *Notitiae Episcopatum*) // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 123–145.
- Науменко В.Е., Иожица Д.В., Набоков А.И.* «Базилика Маркевича» на южной периферии Мангупского городища (по материалам исследований 2012–2016 гг.) // Археология средневекового храма. Матлы науч. конф., посв. 170-летию К.К. Косцюшко-Валюжинича. Севастополь, 2017. С. 50–55.

И.М. Никольский

МИКЕНЫ – «ФИВАМ СОСЕДНИЕ СТЕНЫ»: СТРАДАЛ ЛИ ДРАКОНЦИЙ ТОПОГРАФИЧЕСКИМ КРЕТИНИЗМОМ? (В ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ)

В творчестве Драконция, римского поэта, жившего в вандальской Африке во второй половине V в., можно выделить большой блок так называемых эпиллиев, произведений, посвященных классическим античным мифологическим сюжетам, известным по эпосу и трагедии. Это, например, «Гил», «Похищение Елены», «Медея», «Трагедия Ореста». Помещая героев этих поэм в привычное для них пространство греческого полиса, автор позволяет себе некоторые топографические вольности, которые, в числе прочего, трактуются в литературе как результат плохого знания им географии. Один из наиболее ярких примеров – помещение Фив по соседству с Микенами, возникающее в «Трагедии Ореста», в монологе взывающего к фуриям Дорилая:

Не сомневаюсь и я, что по праву прошу наказания,
хоть и кровавого, – Фивам соседние стены надежду
мне подают, обреченные некогда Тартара мраку
и среди ясного дня лишённые света дневного
(«Трагедия Ореста», 490–493, пер. В.Н. Ярхо).

В.Н. Ярхо, комментируя этот фрагмент «Трагедии», действие которой разворачивается в Микенах, безапелляционно объяснил его безграмотностью автора: «Географические представления Драконция о Греции не отличались определенностью» (Ярхо 2001).

В общем виде этот тезис уже несколько раз был опровергнут исследователями с использованием следующей аргументации (Simons 2005. S. 191–192; Wasyl 2011. P. 47–49; Malamud 2012).

Драконций не ошибался, поместив Микены «по соседству» с Фивами. Это вполне сознательная отсылка к другой мифологической поэме, «Медее», в которой действие разворачивается всё в тех же Фивах и по тому же сценарию: измена – месть (неверность Клитемнестры и месть Ореста в «Трагедии»; неверность Ясона и месть главной героини в «Медее»). Фивы (а не «классический» Коринф) выбраны местом действия «Медей» тоже не случайно: это город, у которого сформировалась дурная литературная слава – места, где творятся дурные дела: инцест, братоубийство и т.п.

На мой взгляд, противники точки зрения Ярхо правы, но их позиция нуждается в некотором развитии: еще далеко не все возможные связи, способные помочь в интерпретации творчества Драконция, в ней выстроены. Например, не обсуждается вопрос, почему именно Микены, вкуче с Фивами, были важны Драконцию для изображения места действия трагедий, почему именно эти два города оказались «по соседству». В этом смысле привлекают особенное внимание строки «Гильдоновой войны», произведения Клавдия Клавдиана, поэта конца IV в., Драконцию безусловно известного. Это сочинение было приурочено к подавлению мятежа в Африке (тогда еще римской), поднятого собственно Гильдоном в 398 г. В нем среди прочего присутствует и такой пассаж:

*ne consanguineis certetur comminus armis,
ne, precor. haec trucibus Thebis, haec digna Mucenis;
in Mauros hoc crimen eat.*

(Да не восстанет отнюдь сокровныя брани стязанье,
Да не случится, молю:
злых Фив и Микен се достойно
Маврам сей грех пусть преидет
(De Bell. Gild. 286–288; пер. Р.Л. Шмараква).

Он примечателен тем, что Микены возникают здесь в одном ряду не только с Фивами как символ дикости и жестокости (очевидно, языческой в противовес христианскому поведению), но и с мавританской Африкой. Последнее особенно актуализирует связанную с Драконцием политическую повестку.

Получается, что, располагая эти греческие города по соседству, Драконций отсылает к инвектике, связанной с ситуацией мятежа, – ведь именно его подавлению была посвящена «Гильдонова война». Как римлянин вряд ли он сам мог иным, чем мятеж, образом, воспринимать уже последующую оккупацию Африки вандалами, последствия которой он застал, и, вероятно, отсылка к тексту Клавдиана должна была работать для его читателей именно так. Место действия мифологических поэм Драконция «Трагедия Ореста» и «Медея», таким образом, можно трактовать не просто как символическое и общее пространство, но как пространство создания политической аллегории. Его Фивы и Микены – это в действительности Африка, в которой идет внутренний конфликт, как между римлянами и вандалами, так и между вандальскими группировками, борющимися за власть. Литературно этот конфликт, весьма вероятно, был выражен именно через традиционные мифологические сюжеты с той или иной историей семейной распри, подобно тому, как в греческой трагедии их же посредством могло передаваться меж-эллиническое противостояние (о чем см. подробнее: Никольский 2014; 2016).

Литература

- Никольский Б.М.* Политический смысл и художественная структура «Андромахи» Еврипида // ВДИ. 2014. № 4 (291). С. 20–40.
- Никольский Б.М.* Пропаганда войны в «Троянках» Еврипида // ВДИ. 2016. № 2 (76). С. 286–314.
- Ярхо В.Н.* Мифологические поэмы. М., 2001.
- Malamud M.* Double, Double: Two African Medeas // *Ramus. Critical Studies in Greek and Roman Literature*. 2012. № 41, 1–2. P. 161–189.
- Simons R.* Dracontius und der Mythos Christliche Weltansicht und pagane Kultur in der ausgehenden Spätantike. Leipzig, 2005.
- Wasyl A.* Genres Rediscovered: Studies in Latin Miniature Epic, Love Elegy, and Epigram of the Romano-Barbaric Age. Kraków, 2011.